

Остров Сокровищ

Автор:

Роберт Стивенсон

Остров Сокровищ

Роберт Льюис Стивенсон

Поиски сокровищ, борьба с пиратами, тайны необитаемого острова, коварство, заговоры, настоящая дружба – все это в знаменитом романе Р. Л. Стивенсона. Захватывающие приключения юного Джима Хокинса и его верных друзей не оставят равнодушными никого из читателей.

Роберт Льюис Стивенсон

Остров сокровищ

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2009

* * *

Часть первая

Старый пират

Глава 1

Старый морской волк в таверне «Адмирал Бенбоу»

Сквайр[1 - Сквайр – титул помещика, принадлежащего к джентри – нетитулованному английскому дворянству. Сквайры играли видную роль в жизни провинции, часто занимали различные административные или судебные должности.] Трелони, доктор Ливси и другие джентльмены убедительно просили меня рассказать все без утайки об Острове Сокровищ. Кроме, конечно же, географических координат острова, поскольку оттуда не вывезена еще часть клада. Уступая их просьбам, я берусь за перо в нынешнем 17... году и мысленно переношусь в то время, когда мои отец и мать содержали таверну «Адмирал Бенбоу»[2 - Адмирал Бенбоу (1653–1702) – английский адмирал, который благодаря своей отчаянной отваге стал героем матросских песен.] и когда старый моряк со шрамом на лице неожиданно появился в нашем доме.

Я помню все, как будто это случилось только вчера. Тяжело ступая, он подошел к дверям таверны. За ним катили тачку с его морским сундуком. Незнакомец был здоровенным малым с загорелым и обветренным лицом. Длинные волосы косицами падали на воротник его грязной куртки. На заскорузлых, покрытых ссадинами руках темнели грязные обломанные ногти. Поперек одной щеки тянулся багровый сабельный шрам. Помню, как он оглянулся на залив, насвистывая под нос, а затем вдруг заорал старую морскую песню, которую потом так часто распевал:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца,

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Пел он высоким, по-стариковски хриплым и надтреснутым голосом, напоминая скрипение вымбовки[3 - Вымбовка – рычаг, служащий на парусных судах для подъема якоря вручную.].

Затем он постучал в нашу дверь своей палкой, похожей на ганшпуг[4 - Ганшпуг – рычаг для подъема и перемещения тяжестей на судах.], и грубо потребовал у моего отца стакан рому. Когда ром был подан, он стал медленно потягивать его, смакуя с видом знатока и поглядывая то на берег, то на нашу вывеску.

– Недурная бухта, – пробормотал он наконец. – И неплохое место для таверны. А много ль народу у вас, хозяин?

Отец ответил, что, к сожалению, немного.

– Отлично, – сказал моряк. – Подходящее место для стоянки. Эй, малый, поди сюда! – окрикнул он человека, который катил за ним тачку. – Подъезжай поближе и помоги мне втащить сундук. Я здесь остановлюсь ненадолго. Я человек покладистый, – продолжал он. – Ром, свиная грудинка и яйца – вот все, что мне нужно, да еще этот утес в придачу, чтобы следить за проходящими судами. Как звать меня? Вы можете называть меня просто капитаном. Ах да, еще вот это!

И он швырнул на порог три или четыре золотых монеты.

– Скажете, когда потребуется доплатить, – прибавил он с надменным видом.

И в самом деле, несмотря на поношенную одежду и грубость в обращении, он все же не походил на простого матроса. Его скорее можно было принять за штурмана или шкипера, привыкшего командовать и раздавать зуботычины.

Человек, привезший на тачке сундук, сообщил нам, что моряк прибыл накануне утром с почтовым дилижансом в таверну «Король Георг» и расспрашивал там, какие есть еще в округе таверны поближе к морю. Услышав добрые отзывы о нашей таверне и выяснив, что она находится на отшибе, он, как я полагаю, выбрал именно ее. Вот и все, что нам удалось узнать о нашем постояльце.

Обычно он бывал молчалив. Целый день слонялся с медной подзорной трубой у моря или среди скал, по вечерам же сидел в столовой в углу и потягивал ром. Когда с ним заговаривали, он, как правило, не отвечал – лишь свирепо поглядывал да посапывал носом, словно фаготом[5 - Фагот – деревянный духовой музыкальный инструмент.]. Вскоре все привыкли к нему и оставили в покое. Каждый день, возвращаясь с прогулки, он неизменно спрашивал, не проходил ли по дороге какой-нибудь моряк? Сначала мы думали, что он ищет собутыльников, но вскоре заметили, что он, наоборот, старается избегать моряков. Если один из них, пробираясь береговой дорогой в Бристоль, заворачивал в таверну «Адмирал Бенбоу», то капитан сначала разглядывал его из-за портьеры и только потом входил, при этом он становился нем как рыба.

Я отметил для себя поведение капитана, а вскоре узнал и о его опасениях. Однажды он отвел меня в сторону и обещал вручать первого числа каждого месяца четыре пенса серебром, если я стану «смотреть в оба за моряком на одной ноге», а увидев такого человека, немедленно сообщу ему. Не раз, бывало, когда наступало первое число и я являлся к нему за деньгами, он только сопел и глядел на меня со злобой. Однако уже к концу недели сменял гнев на милость и выплачивал мне мои четыре пенса, снова приказывая «смотреть в оба за одноногим».

Признаюсь, что этот таинственный моряк мучил меня в ночных кошмарах. По ночам, особенно во время штормов, когда ветер сотрясал весь дом и прибой ревел, разбиваясь об утесы, он являлся мне во сне в самых дьявольских образах. То с ногой, отрезанной до колена, то с ногой, оттяпанной по самое бедро, то вообще в виде ужасного одноногого чудища. Страшнее всего был сон, в котором он гнался за мной, перепрыгивая через изгороди и канавы. Как видите, мне приходилось дорого расплачиваться за свои ежемесячные четыре пенса.

Но хоть одноногий моряк и приводил меня в ужас, самого капитана я боялся гораздо меньше, чем наши постояльцы. Иногда по вечерам он надирался сверх всякой меры и начинал буйствовать и горланить свои проклятые морские песни, не обращая ни на кого внимания. Порой он требовал, чтобы и остальные пили вместе с ним, и заставлял трепещущих от страха посетителей выслушивать его нескончаемые рассказы или подпевать хором. Частенько стены нашего дома содрогались от «Йо-хо-хо, и бутылка рому», поскольку бедолаги попросту боялись старого дебошира и орали во все горло, лишь бы только не разозлить его. Во хмелю капитан становился страшен и неукротим. Он то грохал кулаком по столу, требуя тишины, то приходил в ярость, если к нему обращались с

вопросом, то, наоборот, свирепел, если его ни о чем не спрашивали. Он не позволял никому из посетителей уйти из трактира до тех пор, пока сам не напивался до чертиков и, пошатываясь, отправлялся спать.

Его рассказы отчаянно пугали наших постояльцев. Это были жуткие истории о висельниках, об отчаянных храбрецах, о тропических штормах, о пустынях, о пиратских рейдах к берегам испанских владений. По его словам выходило, что он провел всю жизнь среди самых отвязанных негодяев, какие только ступали по земле или плавали по морю. Затеяливая брань, которой он обильно приправлял свои рассказы, пугала слушателей не меньше, чем описываемые им злодеяния.

Мой отец не раз говаривал, что наша таверна вскоре разорится, ибо посетители перестанут к нам заглядывать, чтобы не подвергаться издевательствам и не возвращаться домой, трясясь от страха. Но я придерживался иного мнения. Пребывание капитана явно приносило нам выгоду. Поначалу посетители пугались, но потом с удовольствием вспоминали страшные истории нашего капитана – они будоражили воображение и вносили разнообразие в унылую деревенскую жизнь. Кое-кто из них называл нашего капитана «истинным морским волком», утверждая, что благодаря таким людям Англия и стала грозой морей.

Впрочем, в одном отношении капитан вполне мог содействовать нашему разорению. Он жил у нас неделю за неделей, месяц за месяцем. Деньги, которые он дал поначалу, давно закончились, а мой отец больше не мог выжать из него ни гроша. Стоило ему только намекнуть об этом, как капитан начинал свирепо сопеть, и мой бедный отец тут же улетучивался. Я видел, как он после такого отпора в отчаянии ломал руки, и уверен, что испытанное им при этом волнение во многом приблизило его преждевременную кончину.

За все время пребывания у нас капитан ни разу не сменил и не обновил своей одежды, только купил несколько пар чулок у разносчика. Поля его шляпы истрепались и обвисли, куртка покрылась пестрыми заплатами, так как он сам чинил ее в своей комнате наверху. Капитан никогда не писал и не получал писем и ни с кем не заговаривал, кроме соседей по столу, да и то лишь будучи в подпитии. И никто из нас ни разу не видел, чтобы он открывал свой сундук.

Только однажды этот грубиян получил достойный отпор. Это случилось незадолго до смерти моего отца. Как-то после полудня нас навестил доктор

Ливси, осмотрел своего пациента, перекусил и спустился в общую столовую выкурить трубку и дожидаться, пока приведут лошадь, которую он оставил в соседней деревне, поскольку в нашей старой таверне не было конюшни.

Я последовал за ним и помню, какое впечатление производил доктор – приветливый, подтянутый, в завитом парике, осыпанном белоснежной пудрой, – по сравнению с угрюмыми деревенскими пьяницами. Но особенно разительным был контраст между доктором и нашим мрачным, грязным капитаном, который сидел за столом, развалившись и потягивая, по обыкновению, ром. Внезапно он хриплым и оглушительным голосом заорал свою любимую песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Пей, и дьявол тебя доведет до конца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Поначалу я решил было, что «сундук мертвеца» – это и есть тот сундук, который стоял в комнате капитана. В моих страшных снах он нередко являлся мне в компании с одноногим моряком. Но потом мы так привыкли к этой песне, что перестали обращать на нее внимание. В тот вечер она явилась новостью только для доктора, и, как я заметил, он был явно не в восторге от услышанного. Сердито взглянув на крикуна, он продолжил разговор со стариком садовником Тэйлором о новом способе лечения ревматизма. Капитан, насупившись, вдруг грохнул кулаком по столу, призывая к молчанию. Все моментально умолкли, один только доктор Ливси продолжал добродушно и весело беседовать, попыхивая трубкой. Капитан грозно взглянул на него, снова грохнул кулаком по столу и прогремел:

– Эй там, на нижней палубе, потише!

– Вы ко мне обращаетесь, сэр? – осведомился доктор.

Грубиян ответил утвердительно, добавив пару ругательств.

– В таком случае, сэр, – невозмутимо продолжал доктор, – могу сказать вам только одно: если вы будете продолжать увлекаться ромом, то вскоре избавите

мир от одного из самых отъявленных мерзавцев.

Капитан жутко рассвирепел. Он вскочил, выхватил свой складной матросский нож и начал махать им, грозя пригвоздить доктора к стене. Но тот спокойно продолжал сидеть. Слегка повернувшись к капитану, он негромко, но так, чтобы все посетители могли слышать, сказал:

– Если вы немедленно не спрячете свой нож, то, клянусь честью, вам придется иметь дело с судом.

Взгляды их скрестились, словно шпаги. Неожиданно капитан сдался, спрятал нож и уселся на прежнее место, как побитая собака.

– А теперь, сэр, – продолжал доктор, – я должен вас предупредить. Поскольку на моем участке завелся такой молодчик, то можете быть уверены, что я буду следить за вами в оба. Я ведь не только доктор, а и должностное лицо, и при первой жалобе на вас – хотя бы за грубость вроде сегодняшней, – я приму все меры, чтобы немедленно выселить вас отсюда. Помните об этом!

Доктору Ливси подали лошадь, и он уехал. С тех пор капитан попричих и стал вести себя сдержаннее.

Глава 2

Черный Пес приходит и уходит

Вскоре благодаря одному загадочному происшествию мы наконец-то избавились от нашего капитана, но, как выяснилось позже, не от его наследия. Стояла суровая зима с сильными морозами и штормами, и было очевидно, что мой бедный отец не дотянет до весны. Он слабел и чахнул с каждым днем, управляться с таверной приходилось мне и моей матушке.

Мы были заняты своими делами и почти не обращали внимания на нашего постояльца.

Случилось это рано утром в январе. На улице было довольно холодно, прибрежные скалы казались седыми от инея. Солнце только что показалось над вершинами холмов и осветило равнину моря. Капитан поднялся раньше обычного и направился к бухте. Кортик[б - Кортик – холодное колющее оружие с прямым тонким обоюдоострым клинком. В XVI–XVIII вв. применялся как оружие абордажного боя.] болтался у него на боку, под мышкой он держал медную подзорную трубу. Заломив шляпу на затылок, он брел к берегу, тяжело дыша и отдуваясь. Вдруг я услышал, как он, уже почти скрывшись за прибрежной скалой, сердито выругался. Должно быть, вспомнил недавний разговор с доктором Ливси, подумал я.

Мать была наверху, у отца, а я накрывал стол для завтрака к возвращению капитана. Неожиданно входная дверь распахнулась, и в столовую вступил незнакомец. Он был бледен, на его левой руке не хватало двух пальцев. И хотя за поясом у него торчал кортик, вид у него был вовсе не воинственный. Пришелец привел меня в некоторое замешательство. Хоть он и не походил на моряка, тем не менее чувствовалось, что он имеет какое-то отношение к мореплаванию.

Я спросил, что ему угодно, и он заказал стакан рому. Не успел я вернуться, как он уселся за стол и дал мне знак подойти поближе. Я остановился рядом с салфеткой в руке.

– Подойди еще ближе, приятель, – сказал он, – подойди ближе!

Я подошел.

– Этот прибор поставлен для штурмана Билли? – спросил он меня, подмигнув при этом.

Я ответил, что не знаю никакого штурмана Билли, а стол этот накрыт для нашего постояльца, которого мы зовем капитаном.

– Отлично, – проговорил он, – штурман Билли может назваться капитаном, это не меняет сути дела. У него шрам на щеке и весьма приятные манеры, особенно когда выпьет. Да, он таков, штурман Билли... Думаю, и у вашего капитана имеется шрам на одной щеке, допустим, на правой. Не так ли? Выходит, штурман Билли сейчас здесь?

Я ответил, что капитан вышел прогуляться.

– А куда он пошел, приятель? По какой дороге?

Когда я сообщил, куда и по какой дороге отправился капитан, незнакомец воскликнул:

– Отлично! Билли обрадуется мне больше, чем бесплатной выпивке!

Однако выражение его лица при этих словах осталось довольно мрачным, и я подумал, что, наверно, незнакомец ошибся. Однако я решил, что меня все это не касается, тем более что и не знал, как поступить в подобных обстоятельствах.

Незнакомец пристально следил за входной дверью, словно кошка, караулящая мышь у норки. Я попытался было выйти на крыльцо, но он тотчас позвал меня назад. Я послушался не сразу, и внезапно его лицо исказилось таким гневом, и он так бешено заорал на меня, что я в страхе отпрянул.

Но стоило мне вернуться, как он взял прежний тон, не то льстивый, не то насмешливый, потрепал меня по плечу и сказал, что я славный паренек.

– У меня есть сынишка, – сказал он, – и ты очень на него похож. Я им горжусь. Но для мальчиков главное – послушание. Да-да, сынок, послушание. Вот если бы ты поплавал с Билли на одном судне, тебя не пришлось бы окликать дважды. Билли никогда не повторял приказаний... А вот и он, мой штурман, с подозрной трубой под мышкой, да благословит его Бог! Давай-ка пойдем в столовую, спрячемся за дверью и устроим Билли сюрприз. Ох и обрадуется же он, разрази меня гром!

Мы вернулись в столовую, и незнакомец спрятался вместе со мной за открытой настежь дверью. Признаться, я порядком струхнул, да и незнакомец, как я заметил, похоже, сам трусил. Он то и дело хватался за рукоятку кортика, не вынимая его, впрочем, из ножен. Все время, пока мы стояли за дверью, он судорожно глотал слюну, словно у него что-то застряло в горле. Наконец в комнату ввалился наш капитан и, захлопнув за собой дверь, направился напрямиком к столу, где его ждал завтрак.

– Билли! – окликнул его незнакомец, стараясь, как мне почудилось, придать своему голосу побольше решительности.

Капитан мгновенно обернулся и оказался прямо перед нами. Он заметно побледнел, словно с его лица мигом сошел весь загар, и теперь походил на человека, увидевшего перед собой привидение, а то и самого дьявола. Честное слово, мне даже жалко стало его в ту минуту, до того он постарел и осунулся.

– Подойди сюда, Билли! – продолжал незнакомец. – Разве ты не узнаешь меня? Не узнаешь своего старого товарища?

Капитан глубоко вздохнул и вдруг ссутулился.

– Черный Пес! – прохрипел он.

– Кто же еще, если не он? – отвечал незнакомец, заметно приободрившись. – Черный Пес явился проведать своего старого штурмана в таверну «Адмирал Бенбоу». Эх, Билли, Билли! Много воды утекло с тех пор, как я лишился этих двух когтей! – При этих словах он показал искаленную руку.

– Что ж, – проворчал капитан, – тебе удалось взять мой след. Вот он я, перед тобой! Говори, зачем пришел и чего тебе надобно?

– Узнаю тебя, Билли! – отвечал Черный Пес. – А впрочем, ты прав. Я хочу, чтобы этот мальчуган подал мне стаканчик рому. Мы сядем, если тебе угодно, здесь и поговорим по душам как два старых товарища.

Когда я принес ром, они уже сидели друг напротив друга за столом, накрытым для капитана. Черный Пес сидел ближе к двери, несколько боком, чтобы, как мне показалось, удобней наблюдать за собеседником и быть наготове удрать в любую минуту. Он велел мне удалиться и оставить дверь открытой настежь.

– Чтобы никто не подслушал через замочную скважину, – пояснил он мне.

Я оставил их вдвоем и вернулся к стойке.

Некоторое время я, несмотря на все мои усилия, ничего не мог слышать. Сначала они говорили шепотом, потом разговор стал громче и до меня начали долетать отдельные слова.

– Нет, нет и нет! И довольно об этом! – вдруг прогремел капитан. – Уж если дело дойдет до виселицы, то пусть болтаются на ней все!

Вдруг послышались отчаянная брань и страшный грохот. Опрокинутые стол и стулья полетели на пол, зазвенели клинки и раздался чей-то глухой стон. Вслед за тем я увидел Черного Пса, убегающего прочь, капитан преследовал его. У обоих в руках были обнаженные кортики, из левого плеча Черного Пса хлестала кровь. Прямо у наружной двери капитан замахнулся на него кортиком и, наверное, рассек бы своего гостя пополам, если бы ему не помешала вывеска над таверной. Вы и сейчас у ее нижнего края можете увидеть эту отметину.

Этим ударом схватка и закончилась.

Выскочив на дорогу, Черный Пес, несмотря на ранение, бросился бежать с такой скоростью, что через минуту скрылся за соседним холмом. Капитан же стоял в оцепенении и смотрел на поврежденную вывеску. Затем он несколько раз провел ладонью по глазам и вернулся в комнату.

– Джим! – сказал он мне. – Рому!

При этих словах он слегка пошатнулся и оперся рукой о стену.

– Вы не ранены? – спросил я.

– Рому! – повторил он. – Мне пора выметаться отсюда! Рому! Рому!!!

Я помчался за ромом, но был так взволнован всем происшедшим, что разбил стакан и разлил напиток. Вдруг из столовой раздался грохот, словно рухнуло что-то очень тяжелое. Вбежав туда, я увидел капитана, растянувшегося во весь свой огромный рост на полу. В ту же минуту сверху прибежала моя матушка, напуганная криками и шумом. Вдвоем мы приподняли капитана. Он дышал тяжело, с огромным трудом. Глаза его были закрыты, лицо побагровело и раздулось.

– Боже мой, боже мой! – воскликнула моя матушка. – Что за проклятье тяготеет над нашим домом! И бедный твой отец лежит совсем больной...

Мы не знали, как помочь капитану, и были уверены, что он получил смертельную рану в схватке с незнакомцем. Я принес рому и попытался влить ему в рот, но его зубы были крепко стиснуты, а челюсти сжаты, как стальной капкан.

На наше счастье в дверях показался доктор Ливси, приехавший навестить моего отца.

– Доктор! – кинулись мы к нему. – Что делать? Капитан ранен!

– Ранен? – удивленно переспросил доктор. – Ничего подобного, он не больше ранен, чем мы с вами. Просто его хватил удар, о чем я его и предупреждал. А теперь, миссис Хокинс, отправляйтесь-ка наверх к своему супругу и не говорите ему ни слова о случившемся. А я сделаю все, чтобы спасти никчемную жизнь этого негодяя. Пусть Джим принесет сюда таз.

Когда я принес таз, доктор засучил рукав капитана и обнажил его огромную жилистую руку, покрытую татуировками. Там было очень четко и красиво выведено: «Пусть будет удача!», «Попутного ветра!», «Пусть сбудутся мечты Билли Бонса». У самого плеча красовалась виселица с болтающимся в петле висельником.

– Пророческая картинка! – буркнул доктор, потрогав пальцем изображение виселицы. – А теперь, мистер Билли Бонс, если вас так действительно величают, посмотрим, какого цвета у вас кровь. Ты ведь не боишься вида крови, Джим? – обратился он ко мне.

– Нет, сэр, – отвечал я.

– И прекрасно. Тогда поддержи таз.

Он взял ланцет и вскрыл вену. Пришлось выпустить немало крови, прежде чем капитан открыл глаза и обвел комнату мутным взглядом. Сначала он узнал доктора и нахмурился, потом увидел меня и слегка успокоился. Вдруг его лицо снова налилось кровью, и он попробовал приподняться с воплем:

– Где Черный Пес?

– Здесь нет никакого пса, – отвечал доктор, – кроме того, что сидит за вашей спиной. Вы выпили слишком много рому, и вас хватил удар, как я и предсказывал. Мне пришлось помочь вам выкарабкаться из могилы. А теперь, мистер Бонс...

– Меня зовут не Бонс, – перебил капитан.

– Это не важно, – отвечал доктор. – Это имя одного морского разбойника, которого я знаю, и я зову вас так просто ради удобства. Вот что я вам скажу: один стаканчик рому вас не убьет сразу, но если вы не бросите пить, то умрете. Это понятно? Умрете и отправитесь в то местечко, которое по вам давно плачет. А теперь постарайтесь встать. Я помогу вам добраться до постели.

С огромным трудом мы втащили капитана наверх и уложили в постель. Голова его в изнеможении упала на подушку, точно он лишился чувств.

– Итак, запомните как следует, – сказал ему доктор. – Ром для вас – это смерть.

С этими словами он подхватил меня под руку и направился к моему отцу.

– Это пустяки, – заметил он, прикрыв дверь. – Я выпустил ему порядочно крови, и он с недельку проваляется в постели. Так будет лучше и для него, и для вас. Но второго удара он не переживет.

Глава 3

Черная метка

Около полудня я принес капитану прохладительное питье и лекарство. Он лежал неподвижно в том же положении, в котором мы его оставили, и казался одновременно ослабевшим и возбужденным.

– Джим, – сказал он. – Ты один здесь добрый малый. Я всегда хорошо относился к тебе и давал каждый месяц четыре пенса серебром. Ты видишь, парень, как мне скверно. Никто за мной не ухаживает. Будь же добр, Джим, принеси мне стаканчик рому. Принесешь?

– Доктор... – начал было я.

Но тут он принялся злобно ругать доктора.

– Все доктора – олухи! – объявил он. – Что твой доктор понимает в морях! Я бывал в таких местах, где жарко, как в котле с кипящей смолой, где людидохнут как мухи от желтой лихорадки и где земля, словно море, колыхается от землетрясений. Много знает твой доктор о таких вещах? И жив я остался только благодаря рому: он заменял мне пищу, питье, жену и детей. И если я сейчас не глотну рому, то буду чувствовать себя, как дряхлая посуда, выброшенная шквалом на берег. Моя смерть останется на твоей совести, Джим, и на совести этого олуха доктора.

Он снова выругался и продолжал умоляюще:

– Смотри, Джим, как трясутся мои пальцы. Я не могу даже сжать их в кулак. Ведь я не выпил ни глотка за весь день. Говорю тебе, этот доктор – болван! Если я не выпью рому, Джим, то мне начнут мерещиться ужасы – мне и без того уже привиделось кое-что. Я видел старого Флинта вон там в углу – так ясно, как живого. Если я снова увижу такой кошмар, то окончательно озверю. Доктор и сам сказал, что один стаканчик мне не повредит. Я дам тебе золотую гинею[7 - Гинея – английская золотая монета. В гинее, в отличие от фунта стерлингов, не 20, а 21 шиллинг.], Джим, за одну маленькую кружечку рому.

Он становился все более настойчивым, и я уже опасался, как бы его голос не услышал мой отец, который был совсем плох и нуждался в покое.

– Мне ваши деньги не нужны, – ответил я. – Уплатите только то, что вы задолжали моему отцу. Я принесу вам стакан рому, но только один, не больше.

Я принес рому, и капитан с жадностью осушил стакан.

– Ого! – воскликнул он. – Теперь мне стало куда лучше! Не говорил ли тебе доктор, сколько времени мне придется проваляться на этой койке?

– По крайней мере, неделю, – отвечал я.

– Проклятье! – вскричал он. – Целая неделя! Я не могу лежать так долго – они успеют прислать мне черную метку! Негодяи уже пронюхали, где моя стоянка. Не сумели сберечь свое, а теперь гоняются за чужим. Разве это достойно настоящих моряков, скажи на милость? Но я стреляный воробей, и меня не проведешь. Я никогда не сорил своими деньгами и не намерен их терять. Я сумею обвести этих негодяев вокруг пальца и не боюсь их. Я справлюсь с ними, говорю тебе, дружок!..

При этих словах он приподнялся на постели, схватив меня за плечо с такой силой, что я чуть не закричал. Затем он тяжело, как две колоды, спустил на пол ноги. В его угрозы, произнесенные едва слышным голосом, верилось с трудом. У него не хватило сил, чтобы встать, и капитан присел, тяжело дыша, на край кровати.

– Твой доктор прикончил меня, – пробормотал он. – В ушах у меня звенит, в глазах темно. Помоги мне лечь...

Но не успел я протянуть руку, как капитан повалился навзничь. Некоторое время он лежал молча, а потом спросил:

– Джим, видел ты этого моряка, что явился сегодня?

– Черного Пса? – спросил я.

– Да, Черного Пса, – ответил он. – Он очень плохой человек, но тот, кто послал его сюда, еще хуже. А теперь слушай сюда. Если мне не удастся выкарабкаться, знай – им нужен мой сундук. Тогда мигом садись на лошадь и скачи как можно быстрее... Все равно, раз ничего не поделаешь... Скачи к этому доктору и скажи ему, чтобы он собрал как можно больше людей и перехватил бы здесь, в таверне, всю шайку старого Флинта. Я был первым штурманом у старика Флинта... И я один знаю это место... Он сам сказал мне об этом в Саванне, когда лежал при смерти, как вот я сейчас. Но ты ничего не предпринимай, Джим, пока они не пришлют мне черную метку или пока ты снова не увидишь Черного Пса

или одноногого моряка.

– А что за черная метка, капитан? – спросил я.

– Это обвинение, парень. Я все расскажу тебе, если они ее пришлют. Ты только смотри в оба, Джим, и клянусь, я разделю все, что осталось, с тобой поровну.

Он начал заговариваться, голос его становился все слабее. Я дал ему лекарство, и он проглотил его покорно, как ребенок, со словами: «Если какой-нибудь моряк и нуждается в лекарстве, так это я».

Вскоре он забылся тяжелым сном, и я вышел. Не знаю, как бы я поступил, если бы все шло благополучно. Вероятно, сообщил бы обо всем доктору, так как ужасно боялся, что капитан потом пожалеет о своей внезапной откровенности и прикончит меня. Но обстоятельства сложились иначе – вечером скончался мой отец, и я позабыл обо всем на свете. Я был так поглощен нашим горем, похоронами и прочими хлопотами, что даже не вспоминал о капитане.

На следующее утро капитан спустился вниз и отобедал, как обычно. Ел он немного, зато много пил. Я думаю, что он выпил рому даже больше своей нормы, так как самостоятельно хозяйничал у стойки и при этом так сердито сопел, что никто не решился ему помешать. В ночь накануне похорон он был совершенно пьян. Ужасно и отвратительно было слышать его дикое пение в доме, где лежал покойник. Но, несмотря на болезнь капитана, мы по-прежнему опасались его. Доктора, который бы мог заткнуть ему глотку, не было поблизости, его вызвали к одному больному за несколько миль, и после смерти моего отца он не заглядывал в наши края.

Я уже говорил, что капитан был слаб. Силы его стремительно убывали. Он с трудом взбирался на лестницу, подходил, пошатываясь, к стойке, и лишь изредка высовывал нос за дверь, чтобы глотнуть свежего морского воздуха. При этом он хватался за стену и дышал тяжело, как человек, одолевший высокую гору. Он почти не разговаривал со мной и, очевидно, забыл о своей недавней откровенности.

Характер его сделался еще более вспыльчивым, он раздражался из-за малейшего пустяка. У него появилась дурная привычка, напиваясь, класть на стол рядом с собой кортик. Впрочем, на посетителей он почти не обращал

внимания и казался полностью погруженным в свои мысли. Однажды, к нашему крайнему удивлению, он даже начал насвистывать какую-то деревенскую песенку, которую запомнил, вероятно, в юности, еще до того, как стал моряком.

На следующий день после похорон я вышел около трех часов пополудни из таверны и остановился перед входом. Я с грустью думал о своем отце. День выдался пасмурный, холодный и туманный.

Внезапно я заметил человека, который медленно тащился по дороге. Очевидно, это был слепой, так как дорогу перед собой он нащупывал палкой, а глаза его прятались под зеленым козырьком. Закутанный в рваный матросский плащ с капюшоном, он казался скрюченным от старости или слабости. Мне никогда не доводилось видеть более отвратительного и пугающего лица. Остановившись перед таверной, он громко обратился куда-то в пространство:

– Не скажет ли какой-нибудь добрый человек несчастному слепцу, потерявшему зрение, защищая нашу родину Англию, где и в какой местности он сейчас находится?

– Возле таверны «Адмирал Бенбоу», у бухты Черного Холма, – ответил я.

– Я слышу голос, – проговорил слепой. – Совсем молодой голос. Не могли бы вы, мой юный друг, подать мне руку и проводить меня в дом?

Я протянул ему руку, и этот жуткий слепой горбун вцепился в нее, точно клещами. Я испугался и хотел освободиться, но незнакомец притянул меня к себе.

– А теперь, мальчуган, – сказал он, – веди меня к капитану!

– Сэр, – запротестовал я, – честное слово, я не могу.

– Не можешь? – засмеялся он. – Вот как? Веди сейчас же, а не то я сломаю тебе запястье!

И он так крепко сжал мою руку, что я вскрикнул от боли.

– Сэр, – начал я, – ведь я опасаюсь не за себя, а за вас. Наш капитан теперь сильно изменился. Он даже за стол садится с обнаженным кортиком...

– Прекрати болтать и веди меня к нему! – приказал слепец.

Я еще никогда в жизни не слышал такого скрипучего и отвратительного голоса, он напугал меня даже больше, чем угроза сломать руку. Я повиновался и повел слепца прямо в столовую, где сидел больной и уже довольно пьяный капитан. Слепец вцепился в меня своей железной клешней и навалился так, что я едва удерживался на ногах.

– Веди прямо к нему и, как только мы войдем, кричи: «Билли, а вот и ваш старый друг!». Если ты этого не сделаешь, я сделаю вот что...

Он снова стиснул мою руку, да так, что я едва не упал в обморок. Напуганный до смерти, я позабыл про свой страх перед капитаном и, распахнув дверь в столовую, выкрикнул дрожащим голосом то, что мне было приказано.

Бедолага капитан только взглянул на нас, и весь хмель разом вылетел у него из головы. На его лице отразилась мучительная боль. Он попытался было встать, но, видимо, сил ему не хватило.

– Ничего, Билли, не беспокойся, сиди, где сидишь. Хотя я и не вижу, зато все слышу. Но сначала дело. Поддай-ка сюда свою правую руку! А ты, парень, поднеси ее к моей правой руке.

Мы оба повиновались слепцу, и я увидел, как он переложил что-то из своей правой руки, в которой держал палку, в ладонь капитана, а та мигом сжалась в кулак.

– Дело сделано! – твердо сказал слепой.

Он выпустил мою руку и с невероятной скоростью выскочил из столовой. Я не успел и слова вымолвить, как с дороги послышался удаляющийся стук его палки.

Мы с капитаном не сразу пришли в себя. Я выпустил его руку, которую все еще держал, и он взглянул на то, что в ней было зажато.

– В десять вечера! – вскричал он. – У нас еще целых шесть часов в запасе! Используем их с толком!

Он вскочил на ноги, но вдруг пошатнулся, схватился за горло и, издав какой-то странный звук, рухнул на пол.

Я бросился к нему, призывая на помощь свою матушку. Но спешить уже было некуда: капитан скончался от апоплексического удара. И странное дело – как только я понял, что он мертв окончательно и бесповоротно, я заплакал, хотя не любил его и лишь изредка жалел. Но это была вторая смерть, случившаяся на моих глазах за последние дни, к тому же рана в моей душе, нанесенная потерей отца, еще не зажила.

Глава 4

Матросский сундук

Не теряя времени, я вкратце поведал матушке обо всем, что знал. Мы поняли, что попали в очень сложное и опасное положение. Часть денег капитана (если они у него только имелись), несомненно, должна была бы принадлежать нам. Но его товарищи вроде Черного Пса и слепого старика вряд ли согласились бы уплатить долги покойного из того, что считали своей добычей. Я не мог выполнить просьбу капитана и скакать за доктором Ливси, оставив матушку без всякой защиты. С другой стороны, мы больше не могли находиться в доме. Мы вздрагивали от каждого звука, даже от треска поленьев в кухонном камине или боя часов. Нам казалось, что мы слышим за окнами чьи-то крадущиеся шаги.

Распростертое на полу тело капитана и мысль о том, что страшный слепец бродит где-то неподалеку и в любую минуту может вернуться, приводили меня в

ужас. Надо было немедленно что-то предпринять, и мы решили, что лучше всего отправиться за помощью в соседнее селение. Сказано – сделано. Не раздумывая, в чем были, мы выскочили наружу и бросились бежать сквозь холодный туман и сгущающиеся сумерки.

Селения от нас не было видно, оно находилось у соседнего залива, причем в направлении, совершенно противоположном тому, откуда появился и куда направился слепец. Мы бежали недолго, временами останавливаясь и прислушиваясь. Но ничего подозрительного не услышали, кроме плеска воды и карканья ворон.

Огни в окнах уже зажигались, когда мы добрались до селения, и я никогда не забуду, как обрадовался этому свету. Но никакой помощи мы тут не получили. Ни один мужчина не решился отправиться вместе с нами в таверну «Адмирал Бенбоу».

Напрасно мы уговаривали их: мужчины, женщины, дети – все в страхе жалось к семейным очагам. Имя капитана Флинта, совсем незнакомое мне, оказалось здесь до того известным, что внушало леденящий страх. Некоторые из тех, кто работал в полях близ нашей таверны, вспомнили, что видели на дороге каких-то подозрительных людей. Они приняли их за контрабандистов, так как те поспешно скрылись. Кто-то даже заметил небольшое судно в бухте, носящей название Логово Китта. Все местные жители были так запуганы капитаном, что всякий, кто имел к нему хоть малейшее отношение, пугал их до дрожи. Некоторые готовы были поехать к доктору Ливси, жившему в противоположной стороне, но никто не пожелал помочь нам защитить таверну.

Говорят, трусость заразителна. Но, с другой стороны, она порой толкает людей на отчаянные поступки. Выслушав всех, матушка моя вдруг объявила, что не намерена оставлять без гроша своего сына, бедного сироту.

– Если никто из вас не решается пойти с нами, – сказала она, – мы с Джимом идем одни! Благодарю вас, мужчины с цыплячьими душами! Хотя и ценою жизни, но мы откроем этот сундук! И я буду признательна вам, миссис Кроссли, если вы позволите мне прихватить вашу сумочку, чтобы принести в ней деньги, принадлежащие нам по праву и по закону.

Я заявил, что иду с матерью. Все начали нас отговаривать, называя это безумием, но никто из мужчин не решился нас проводить. Помощь их ограничилась тем, что они дали мне заряженный пистолет на случай нападения злодеев и обещали держать наготове оседланных лошадей, если нам придется спасаться бегством. Один молодой человек вызвался съездить к доктору за вооруженным подкреплением.

Когда мы, набравшись смелости, уже в полной темноте возвращались домой, мое сердце колотилось как бешеное.

Полная луна уже выглянула из-за окутанного туманом горизонта. Надо было спешить – скоро станет светло как днем, и нас могут заметить. Крадучись, мы с матушкой осторожно пробрались вдоль изгороди, но не увидели и не услышали ничего подозрительного. Наконец, к огромному нашему облегчению, мы очутились за дверью нашей таверны.

Я тотчас задвинул засов, и мы наконец перевели дух, оставшись одни в темном пустом доме, где лежало мертвое тело. Матушка взяла со стойки свечу, зажгла ее, и мы, крепко держась за руки, прошли в столовую.

Капитан лежал в том же положении, в каком мы его оставили, – на спине, с открытыми мертвыми глазами и вытянутой рукой.

– Закрой ставни, Джим, – шепнула мать. – Нас могут увидеть снаружи.

Я исполнил то, что мне велели.

– А теперь, – продолжала она, – нам надо найти ключ от сундука. Да только кто же решится дотронуться до покойника! – прибавила она с тяжелым вздохом.

Я наклонился к телу капитана. На полу у его вытянутой руки лежал вырезанный из бумаги кружок, измазанный с одной стороны чем-то черным. Я не сомневался, что это и есть пресловутая черная метка. Подняв ее, я увидел на чистой стороне выведенные четким красивым почерком слова: «Сроку тебе – до десяти вечера».

– Ему дали время до десяти вечера, матушка! – воскликнул я, и ровно в эту минуту начали бить наши старые стенные часы. Неожиданный звук заставил нас

вздрагнуть, но, к счастью, часы пробили всего шесть раз.

– Джим, дорогой, ищи же ключ! – торопила мать.

Я обшарил карманы капитана. Несколько мелких монет, наперсток, нитки и сапожная игла, кусок прессованного табаку, нож с кривой рукоятью, карманный компас и огниво – вот и все, что я там обнаружил. Я уже потерял надежду найти ключ, когда мать сказала:

– Может, он у него на шее?

Преодолев страх и отвращение, я разорвал ворот рубашки капитана. Действительно, у него на шее на просмоленном шнурке болтался ключ. Шнурок я перерезал найденным в кармане моряка ножом.

Обнадеженные находкой, мы, не теряя ни минуты, бросились наверх в маленькую комнату, где обитал капитан и где со дня его прибытия в нашу таверну стоял сундук.

С виду он ничем не отличался от обычных матросских сундуков. На верхней крышке была выжжена раскаленным железом буква «Б». Углы были сбиты и поцарапаны, словно этот сундук отслужил долгую и нелегкую службу.

– Дай-ка ключ! – сказала матушка.

Несмотря на тугой замок, она мигом отперла сундук и подняла крышку.

Изнутри ударил крепкий запах табака и дегтя. Сверху лежал новый, старательно вычищенный и отутюженный костюм, с виду ни разу еще не надеванный. Под ним обнаружили всевозможные вещи: квадрант[8 - Квадрант – мореходный инструмент для измерения высоты небесных светил над горизонтом и угловых расстояний между ними. Используется для определения положения судна в море.], жестяная кружка, несколько пачек табаку, пара великолепных пистолетов, слиток серебра, старые испанские часы и несколько других вещей, не представляющих ценности, два компаса в медных оправках и пять-шесть причудливых вест-индских раковин. Я часто думал потом: зачем капитан таскал с собой эти раковины в своих опасных разбойничьих скитаниях?

Ничего по-настоящему ценного, кроме серебра и нескольких побрякушек, мы не нашли. В самом низу обнаружился старый морской плащ, выцветший от времени и соленой воды. Моя мать поспешно отбросила его в сторону, и мы увидели то, что лежало на дне сундука: обернутый непромокаемой клеенкой бумажный свиток и увесистый холщовый мешок, в котором что-то позвякивало.

– Я покажу этим негодьям, что я честная женщина, – пробормотала матушка. – Я возьму ровно столько, сколько он нам задолжал, и ни пенни больше. Подержи сумку миссис Кроссли, Джим!

И она начала отсчитывать деньги из мешка капитана.

Дело двигалось медленно и не без труда, так как монеты там были самые разнообразные – дублоны, луидоры, гинеи, пиастры, – и все они были беспорядочно перемешаны. Гиней было меньше всего, а матушка только их и знала.

В самый разгар подсчета я вдруг схватил ее за руку, различив в тихом морозном воздухе за окном звук, от которого у меня заледенела кровь. Это было постукивание палки слепого по дороге. Мы затаили дыхание. Стук приближался. Потом послышался удар рукоятью палки в дверь таверны, кто-то подергал снаружи дверную ручку, пытаясь войти, а потом навалился на дверь, и засов затрещал. Затем все замерло. Снаружи стало так же тихо, как и внутри. Потом опять раздалось постукивание палки.

К нашей неопишуемой радости, стук начал медленно удаляться и наконец замер вдали.

– Матушка, – прошептал я, – бери деньги и бежим поскорее!

Я не сомневался, что закрытая изнутри дверь показалась слепому подозрительной, и он удалился только затем, чтобы созвать остальную шайку.

Какое счастье, что я догадался запереть дверь на засов! Моих чувств никогда не понять тому, кто не видел этого ужасного слепца.

Но моя матушка, несмотря на страх, ни за что не соглашалась взять больше того, что ей следовало, и в то же время не желала взять и меньше.

– Еще нет семи, – проговорила она, – и мы наверняка успеем сосчитать свои деньги.

Она все еще спорила со мной, когда с вершины холма донесся тихий свист. Этого было достаточно, чтобы мы испуганно переглянулись.

– Я возьму только то, что успела отсчитать, – сказала матушка, поднимаясь.

– А я прихватю еще и это для ровного счета, – добавил я, пряча в карман сверток в клеенке.

В один дух мы сбежали вниз по лестнице, оставив свечу у опустевшего сундука, и выскочили наружу. Нельзя было терять ни секунды. Туман быстро рассеивался, и луна поднялась уже довольно высоко. Только в глубине лощины и вокруг таверны висела сырая мгла, скрывавшая наше бегство. Но уже на полпути к селению мы должны были неизбежно оказаться в полосе яркого лунного света. Вдобавок издали слышался звук шагов. Мы обернулись и увидели быстро приближающийся и колеблющийся свет – должно быть, кто-то из разбойников нес фонарь.

– Мой дорогой Джим, – простонала в отчаянии мать, – бери деньги и беги со всех ног! Мне дурно!

«Мы оба погибли», – подумал я. О, как проклинал я в эту минуту трусость наших соседей и осуждал свою собственную мать одновременно за честность и жадность, за прежнюю отчаянную решимость и нынешнюю слабость!

К счастью, мы оказались у какого-то мостика. Я помог спотыкающейся матери спуститься к берегу ручья. Там она вдруг лишилась чувств и склонилась на мое плечо. Уж и не знаю, откуда у меня взялись силы, но мне удалось затащить ее под мостик, хотя, боюсь, действовал я довольно грубо. Мостик оказался

настолько низким, что забраться под него можно было только на четвереньках.

Так мы и спрятались неподалеку от нашей таверны.

Глава 5

Конец слепца

Однако любопытство мое оказалось сильнее страха. Я выполз из-под мостика в ложбину по соседству и укрылся за кустом раkitника. Оттуда хорошо был виден участок дороги перед нашим домом.

Едва я успел занять эту позицию, как появились враги. Их было человек семь-восемь, и они очень спешили. Шаги их гулко отдавались в тишине. Впереди шел мужчина с фонарем, за ним следовали еще трое, держась за руки. Несмотря на туман, я сумел разглядеть, что посреди этой троицы находился тот самый слепец. А через несколько мгновений до меня явственно донесся его голос.

– Ломайте дверь, парни! – гаркнул он.

– Есть, сэр! – разом ответили несколько голосов.

Злодеи бросились к дому, за ними последовал человек с фонарем. У двери они остановились и начали совещаться, удивленные тем, что дверь оказалась не запертой. Замешательство продолжалось недолго, и слепец снова начал зычно отдавать приказания. В его голосе слышались нетерпение и бешенство.

– Скорее в дом! – орал он, досадуя на медлительность спутников.

Четверо или пятеро ворвались в дом, двое остались на дороге со слепцом. Несколько минут стояла тишина, потом раздался возглас удивления и чей-то голос крикнул изнутри:

– Билли окочурился!

Слепец снова выругался.

- Обыщите его, бездельники! – скомандовал он. – Остальные бегом наверх и тащите сюда сундук!

Я слышал, как скрипели под их тяжелыми шагами ступени нашей старой лестницы, и мне казалось, что содрогается весь дом. Затем снова послышались крики изумления. Окно в комнате капитана распахнулось, посыпалось битое стекло, и в оконный проем высунулся до пояса человек, крича слепцу, поджидавшему на дороге:

- Пью, здесь успели побывать до нас! Кто-то вскрыл сундук и перерыл его сверху донизу.

- А они там? – проревел в ответ Пью.

- Деньги на месте.

- К дьяволу деньги! Я толкую о бумагах Флинта!

- Никаких бумаг не видать.

- Эй вы, там, внизу! Живо обыщите Билли! – снова заорал слепец.

Один из тех, что оставались внизу около тела капитана, появился в дверях таверны и сообщил:

- Мы обыскали его с головы до пят, но ничего не нашли.

- Проклятье! Нас ограбили хозяева таверны! Это тот чертов мальчишка! Жаль, что я сразу не выколол ему глаза, – взревел слепой Пью. – Они только что были здесь! Это они заперлись на засов, когда я пытался открыть дверь. Ищите как следует, парни, и вы найдете их.

- Ясно, что хозяева! Они и свечу здесь оставили! – сообщил тот, что высовывался из окна.

– Ищите хорошенько! Переройте весь дом! – орал Пью, колотя палкой о мерзлую землю.

В таверне поднялись такая суматоха и такой грохот, что эхо проснулось в скалах на берегу. Гремели тяжелые шаги, хлопали двери, падала мебель. Наконец разбойники стали один за другим выползать наружу, докладывая, что ничего не обнаружено.

Издали снова слышался чей-то свист – тот самый, который так напугал меня и мою матушку, когда мы пересчитывали деньги капитана. Он повторился дважды. Я-то думал, что этим свистом слепец созывает своих пособников на штурм. Но теперь я понял, что это был сигнал со стороны селения, предупреждающий разбойников о надвигающейся опасности.

– Это Дерк, – сказал один из них. – Два сигнала! Надо убираться отсюда, парни!

– Убираться? Проклятые олухи! – закричал Пью. – Дерк всегда был дураком и трусом, нечего обращать на него внимание. Ведь они не могли уйти далеко! Они где-то рядом, почти у нас в руках... Ищите же их живее, псы! О, проклятье! Если б только у меня были глаза!..

Призыв слепца подстегнул злодеев. Двое из них принялись рыскать вокруг таверны, но делали они это, как мне почудилось, без особой охоты. Остальные в нерешительности торчали посреди дороги.

– Дурачье! У вас в руках бочонки с золотыми дублонами, а вы топчетесь! Вы можете стать богатыми, как королевские особы, если найдете эти бумаги, и они наверняка здесь, а вы стоите, развесив уши. Ни один из вас не решился встретиться с Билли, и только я один пошел к нему! Я не намерен потерять из-за вас удачу, остаться нищим и дальше попрошайничать, когда мог бы разъезжать в карете!

– Да черт с ними, с бумагами, Пью! Дублоны-то у нас! – ворчливо отозвался один из разбойников.

– Они, видно, припрятали бумагу, – сказал другой. – Бери золото, Пью, и прекращай выть!

От этих слов слепой Пью окончательно взбеленился и начал молотить своей палкой направо и налево, при этом кое-кому изрядно досталось. Но и они не остались в долгу, осыпая слепого отборными ругательствами и тщетно пытаясь выхватить у него из рук палку.

Эта ссора спасла нам с матушкой жизнь.

В самый ее разгар со стороны селения послышался топот копыт скачущих лошадей. В ту же минуту прогремел пушечный выстрел и под изгородью блеснул огонек. Очевидно, это был сигнал, предупреждавший о самой крайней опасности. Разбойники бросились врассыпную – кто к берегу залива, кто напрямик через холмы. Через полминуты из всей шайки на дороге остался только Пью. Его бросили, то ли позабыв в панике, то ли в отместку за его грязную брань и побои – не берусь сказать. Оставшись в одиночестве, он в бешенстве застучал палкой по дороге, призывая на помощь, но никто не откликнулся. Наконец, окончательно потеряв ориентацию, слепец, вместо того, чтобы броситься к морю, помчался по направлению к селению.

– Джонни, Черный Пес, Дерк! – выкрикивал он, проносясь через мостик. – Ведь вы не покинете старого Пью! Парни, не бросайте одинокого слепца!

С вершины холма уже совсем близко доносился конский топот. В блеске лунного диска возникли четверо или пятеро всадников, которые во весь опор неслись к таверне.

Пью, осознав свою ошибку, с воплем бросился обратно и рухнул в канаву. Выбравшись из нее, он метнулся прямо под копыта лошадей.

Всадник, скакавший впереди, попытался осадить коня, но тщетно: Пью, угодив под копыта разгоряченного скакуна, пронзительно завопил. Смяв его, конь понесся дальше. Пью упал сначала на бок, потом перевернулся, уткнулся лицом в мерзлую пыль и застыл неподвижно.

Я выскочил из своей засады и окликнул всадников. Напуганные случившимся, они тотчас остановились, и я узнал их. Одним из них был молодой человек из селения, вызвавшийся съездить к доктору Ливси. Остальные оказались стражниками береговой охраны, которых он встретил по пути и догадался позвать на помощь. Слухи о каком-то подозрительном судне в Логове Китта

дошли до начальника охраны мистера Данса, и он отправился туда ночью с дозором. Только благодаря этому мы с матушкой избежали неминуемой гибели.

Пью был мертв. Мою матушку отнесли в поселок, обрызгали холодной водой, дали понюхать ароматических солей, и она пришла в себя. Несмотря на перенесенный кошмар, она продолжала сетовать на то, что так и не успела отсчитать необходимую сумму. Между тем, начальник охраны со своим отрядом помчался к Логову Китта. В конце пути им пришлось спешиться и, спускаясь с крутого берегового откоса, вести лошадей под уздцы. К тому же, они опасались засады. Поэтому неудивительно, что, когда стражники добрались до бухты, разбойничье судно успело уже поднять якорь, хоть и находилось еще недалеко от берега.

Начальник охраны окликнул шкипера и в ответ услышал голос, посоветовавший ему лучше укрыться, чтобы не получить добрую порцию свинца. В ту же минуту у его плеча просвистела пуля. Судно обогнуло мыс и вскоре исчезло из виду. Мистер Данс, по его словам, остался на берегу, словно рыба, выброшенная из воды. Все, что он мог сделать, это послать гонца в город за быстроходным катером.

– Но это все равно бесполезно, – безнадежно заметил он. – Их уже не догнать. Единственное, чему я рад, – прибавил он, выслушав мой рассказ, – это тому, что мистер Пью получил по заслугам.

Вместе с ним я вернулся в таверну. Вы и вообразить не можете, какой разгром мы там застали. Даже стенные часы валялись на полу. И хотя разбойники ничего не унесли, кроме денежного мешка капитана и мелкой монеты из ящика за стойкой, я тотчас же понял, что мы разорены. Мистер Данс долго не мог ничего понять.

– Вы говорите, Хокинс, они взяли деньги покойного моряка? Ну хорошо, но что еще они тут искали? Может, еще какие-то деньги?

– Нет, сэр. Я полагаю, что вовсе не деньги им были нужны, – отвечал я. – Вероятно, они искали свиток, который все это время находился у меня в кармане. Говоря по правде, я бы хотел подыскать для него более безопасное место.

– Это верно, мой мальчик, – согласился он. – Я могу взять его и сохранить для тебя, если ты не против.

– Но я хотел бы отдать его доктору Ливси, – сказал я.

– И прекрасно! – подхватил мистер Данс. – Самое правильное решение. Доктор – джентльмен и к тому же должностное лицо. Я, пожалуй, сам поеду к нему или к нашему сквайру и расскажу обо всем, что случилось. Ведь с какой стороны ни посмотри, но ваш капитан и мистер Пью умерли. Не то чтобы я особенно жалел об этом, но могут найтись люди, которые обвинят меня, начальника береговой стражи, в его гибели. Если вам угодно, Хокинс, могу прихватить вас с собой.

Я поблагодарил его за любезное предложение, и мы пошли обратно в селение, где остались лошади.

Пока я сообщал о своем намерении матери, стражники уже были в седлах.

– Доггер, – сказал мистер Данс, – у вас крепкая кобылка. Посадите-ка к себе этого паренька.

Как только я уселся позади Доггера, крепко держась за его пояс, начальник охраны подал команду, и отряд на рысях двинулся к дому доктора Ливси.

Глава 6

Бумаги капитана

Так мы скакали всю дорогу, пока не оказались перед домом доктора Ливси. Ни в одном из окон не было света. Мистер Данс велел мне спешиться и постучать, а Доггер подставил мне стремя, чтобы легче было спрыгнуть. Дверь тут же открыла служанка.

– Дома ли доктор Ливси? – спросил я.

Служанка ответила, что доктора нет, что он вернулся от больного после полудня, но отправился провести вечер к сквайру Трелони.

– Скорее туда, парни! – велел мистер Данс.

На этот раз я не стал садиться в седло, а побежал, держась за стремя, рядом с лошадью к воротам парка.

Голая, озаренная луной аллея вела к видневшемуся в ее конце помещицкому дому, окруженному старым садом. У дома мистер Данс спрыгнул с седла, и мы вместе с ним направились к главному входу. Нас тотчас пустили. Слуга провел нас по устланному ковром коридору в библиотеку, обставленную книжными шкафами и бюстами классиков. У камина сидели, покуривая трубки, доктор Ливси и местный сквайр.

Я никогда не видел сквайра Трелони вблизи. Это был высокий и широкоплечий человек с багровым лицом, обветренным и покрытым морщинами от долгих странствий. Подвижные темные брови свидетельствовали, что хоть характер у него не злой, но отчасти высокомерный и вспыльчивый.

– Входите же, мистер Данс, – проговорил сквайр покровительственно.

– Добрый вечер, Данс, – приветствовал нас доктор кивком головы. – Здравствуй, Джим! Каким ветром вас обоих сюда занесло?

Начальник стражи вытянулся по-армейски и рассказал обо всем случившемся так, словно рапортовал начальству. Видели бы вы, с каким любопытством выслушали его оба джентльмена, какими удивленными взглядами они обменивались, позабыв про свои трубки! Когда же они услышали о том, как моя мать вместе со мной отправилась ночью обратно в таверну, доктор Ливси в знак одобрения хлопнул себя по бедру, а сквайр гаркнул «Браво!» и так энергично выбил о каминную решетку свою длинную трубку, что она переломилась. В середине рассказа мистер Трелони вскочил с места и принялся расхаживать по комнате, а доктор Ливси снял свой напудренный парик, чтобы лучше слышать. Признаюсь, странно было видеть его без парика с коротко остриженными черными волосами!

Наконец начальник стражи окончил свое сообщение.

– Мистер Данс, – воскликнул сквайр, – вы поступили как благородный человек! А насчет того, что вы прикончили этого кровожадного мерзавца, то, право же, это вам зачтется. Ведь это почти то же самое, что раздавить ядовитое насекомое. Хокинс, по-моему, тоже держался молодцом. Позвоните-ка, пожалуйста, Хокинс, в этот звонок – мистер Данс, я думаю, не откажется пропустить кружечку эля.

– Итак, Джим, – сказал доктор. – Значит, у тебя находится то, что эти люди искали?

– Вот оно, – отвечал я, протягивая доктору сверток, обернутый клеенкой.

Доктор осмотрел его со всех сторон; должно быть, ему очень хотелось открыть его. Но он справился с собой и спокойно положил сверток в карман.

– Сквайр, – сказал он, – после того, как Данс покончит с элем, ему придется вернуться к исполнению своих служебных обязанностей. Джим Хокинс переночует у меня, и, с вашего позволения, я попрошу прислугу подать ему кусок паштета на ужин.

– Разумеется, Ливси, – ответил сквайр. – Хокинс, вне всякого сомнения, заслуживает большего.

Мне тотчас подали на отдельном маленьком столике тарелку паштета из дичи, и я не стал с ним особенно церемониться, потому что был голоден как волк.

Данс, выслушав еще несколько похвал в свой адрес, откланялся и вышел.

– Итак, сквайр! – воскликнул доктор.

– Итак, Ливси! – тут же отозвался сквайр.

– Мы оба подумали об одном и том же, – засмеялся доктор. – Вы, конечно, слышали об этом капитане Флинте?

– Слышал ли я о нем? – воскликнул сквайр. – Еще бы! Это же был самый кровожадный из всех пиратов, какие только плавали в водах Вест-Индии! Черная

Борода был сущим младенцем в сравнении с ним! Испанцы до того боялись его, что, признаюсь откровенно, я порой даже гордился тем, что Флинт мой соотечественник. Я собственными глазами видел его флагман на горизонте – мы как раз выходили из бухты Тринидада, но наш капитан струсил и мгновенно повернул обратно.

– Да, и я слышал о нем, но уже здесь, в Англии, – заметил доктор. – Но главный вопрос заключается в следующем: были ли у него деньги?

– Деньги? – вскричал сквайр. – Но ведь вы же слышали о том, что случилось. Что еще могли искать эти негодяи, если не золото? Стали бы они рисковать своей шкурой ради чего-либо иного?

– Это мы сейчас и узнаем, – ответил доктор. – Но вы так горячитесь, что не даете мне слова сказать. Я бы хотел выяснить следующее: допустим, что в кармане моего камзола находится ключ, с помощью которого можно определить, где Флинт спрятал свои сокровища. Сумеем ли мы до него добраться?

– Разумеется, сэр! – воскликнул сквайр. – Игра стоит свеч. Если действительно в наших руках находится ключ, о котором вы говорите, я немедленно зафрахтую судно в Бристол, прихватю с собой вас и Хокинса и добуду этот клад, хотя бы нам пришлось потратить на его поиски целый год!

– Превосходно, – кивнул доктор. – А теперь, если Джим не возражает, мы вскроем сверток.

Он положил его на стол, но клеенка была так крепко зашита, что доктору пришлось открыть свой ящик с медицинскими инструментами и разрезать суровые нитки хирургическими ножницами. В свертке мы обнаружили два предмета – тетрадь и запечатанный сургучом пакет.

– Прежде всего заглянем в тетрадь, – предложил доктор.

Сквайр и я с жгучим любопытством следили за тем, как доктор перелистывает страницу за страницей. На первой были записи, сделанные как будто для пробы пера. Между прочим, была здесь и та, которую наш покойный моряк вытатуировал у себя на руке: «Пусть сбудутся мечты Билли Бонса», и другие в том же роде, например: «Мистер Б. Бонс, штурман», «Довольно рома!», «У Палм-

Ки[9 - Палм-Ки – островок у берегов полуострова Флорида.] он получил все, что ему причиталось». Много было и других отрывочных записей, неразборчивых и непонятных. Я даже задумался над вопросом – кто таков был этот «он», который получил «все, что ему причиталось»? Может, речь шла просто об ударе ножом в спину?

– Ну, здесь для нас больше нет ничего интересного, – сказал доктор.

Следующие десять или двенадцать страниц были заполнены своего рода бухгалтерией. В начале строки стояла дата, в конце – сумма, как в обычных конторских книгах. Но вместо статей прихода между датой и суммой располагалось только разное количество крестиков. Так, 12 июня 1745 года в приход были внесены шестьдесят фунтов стерлингов, а в качестве пояснения стояли шесть крестиков. Изредка, впрочем, к крестикам прибавлялось название местности – например, «под Каракасом», или же долгота и широта.

Подобные записи охватывали почти два десятка лет, а суммы поступлений становились все солиднее и солиднее. В самом же конце, после многочисленных выкладок и подсчетов, был подведен итог, который сопровождала надпись «Вклад Бонса».

– Я тут совершенно ничего не понимаю, – сказал доктор Ливси.

– А между тем все ясно как день! – воскликнул сквайр. – Это приходная книга негодяев. Крестики стоят вместо названий пущенных ими на дно судов или разграбленных прибрежных городов, а цифры обозначают долю этого негодяя в общей добыче. Там, где он опасался неточности, капитан вставлял пояснения вроде «под Каракасом». Там, очевидно, какое-то несчастное судно подверглось их нападению. Да упокоятся души его команды и пассажиров!

– Думаю, вы правы, – согласился доктор. – Вот что значит постранствовать по свету! И суммы прихода, я полагаю, росли по мере того, как наш приятель повышался в должности и ранге.

Больше никаких записей в тетради не было, кроме названий каких-то местностей, выписанных на отдельной странице в конце, и таблицы перевода стоимости французских и испанских монет в английские фунты.

– Ловкий парень! – воскликнул доктор. – Его, очевидно, не так-то просто было надуть!

– А теперь посмотрим, что здесь, – сказал сквайр.

Пакет оказался запечатанным сургучом в нескольких местах. Печатью, должно быть, служил наперсток, может и тот, который я обнаружил в кармане капитана. Доктор осторожно вскрыл пакет и оттуда выпала карта какого-то острова с обозначениями его долготы, широты, глубины моря у берега, а также с названиями бухт, мысов и заливов. Там было указано вообще все, что нужно штурману, чтобы подвести судно к берегу и встать на якорную стоянку. Остров имел девять миль в длину и пять миль в ширину и формой напоминал вставшего на дыбы разжиревшего дракона. На карте также были обозначены две закрытые от штормов гавани и холм в центре острова, носивший название «Подзорная Труба».

Кроме того, имелись дополнительные обозначения, сделанные, очевидно, позже. Сразу бросались в глаза три креста, начертанные красными чернилами: два в северной части острова и один в юго-западной. Около последнего теми же красными чернилами мелким и разборчивым почерком, совершенно не похожим на каракули капитана, было написано: «Главная часть клада здесь».

На оборотной стороне карты тем же почерком значилось:

«Высокое дерево на плече Подзорной Трубы по направлению к С. от С.-С.-В.

Остров Скелета В.-Ю.-В. и на В.

Десять футов.

Слитки серебра в яме на севере. Ее можно найти, следуя по опушке с восточной стороны, в десяти сажнях к югу от черной скалы, прямо напротив нее.

Оружие в песчаном холме на северной оконечности Северного мыса, держась на В. и на четверть румба к С.

Д. Ф.»

Хотя записи эти и показались мне маловразумительными, они привели в восторг сквайра и доктора Ливси.

– Ливси! – вскричал сквайр. – Вы должны немедленно бросить эту вашу несчастную практику. Завтра я еду в Бристоль. Через две-три недели, а если повезет, то и через десять дней в нашем распоряжении окажется самое лучшее судно и самая отборная команда. Хокинс отправится с нами в качестве юнги. Ты, Джим, я верю, будешь превосходным юнгой! Вы, Ливси, станете судовым врачом, а я – адмиралом. Мы обязательно возьмем с собой Редрута, Джойса и Хантера. При попутном ветре мы легко отыщем и остров, и сокровища. Мы будем купаться в деньгах, клянусь вам!

– Трелони, – невозмутимо ответил доктор. – Я готов отправиться с вами. Ручаюсь, что мы – и я, и Джим, – оба оправдаем доверие. Но есть один человек, которому я не могу доверять.

– Кто же он? Назовите имя этого негодяя, сэр!

– Это вы, – со вздохом проговорил доктор, – потому что вы не умеете держать язык за зубами. Помните – не нам одним известно об этой карте. Те злодеи, которые ночью напали на таверну, и те, что остались на борту их судна, тоже знают о ней. Больше того – они во что бы то ни стало попытаются добраться до этих сокровищ. Значит, мы постоянно должны быть начеку и не выходить в одиночку из дома. Поэтому я останусь здесь с Джимом, а вы, отправляясь в Бристоль, возьмете с собой Джойса и Хантера. Но самое главное – никому ни слова о нашей находке!

– Ливси, – отвечал сквайр, – вы абсолютно правы. Клянусь, я буду нем как могила!

Часть вторая

Судовой повар

Глава 7

Я отбываю в Бристоль

Чтобы подготовиться к отплытию, потребовалось гораздо больше времени, чем предполагал сквайр. Не осуществились и другие наши планы. Доктору Ливси пришлось расстаться со мной и отправиться в Лондон, чтобы найти врача, который подменил бы его на время отсутствия. Сквайр пребывал в Бристоле, а я жил в его доме под охраной старого егеря [10 - Егерь – профессиональный охотник, надзирающий за охотничьими угодьями в поместье.] Редрута, никуда не отлучаясь и уже предвкушая необыкновенные приключения, которые ждут нас на таинственном острове.

Часами просиживая над картой, я изучил остров в мельчайших подробностях. В мечтах я обследовал каждый его уголок, тысячу раз взбирался на возвышенность, которую пираты называли Подзорной Трубой, и любовался открывавшимся оттуда великолепным видом. Я представлял, как мы сражаемся с обитающими на острове дикарями, как на нас нападают хищники и ядовитые змеи. Но на самом деле наши приключения оказались куда более необычными и опасными, чем все мои фантазии.

Неделя проходила за неделей. Наконец прибыло письмо, адресованное доктору Ливси, с припиской: «В случае отсутствия доктора, разрешается вскрыть Тому Редруту или Джиму Хокинсу».

Следуя этому указанию, мы открыли пакет и прочитали (вернее, я прочитал, так как егерь с грехом пополам разбирает только печатные буквы) следующее сообщение:

«Таверна “Старый Якорь”, Бристоль, 1 марта 17... г.

Дорогой Ливси! Я не знаю, где вы сейчас находитесь, в моем поместье или в Лондоне, поэтому одновременно пишу в оба адреса.

Судно куплено и снаряжено. Оно стоит на якоре, готовое к отплытию. Вы не можете себе представить, какая это превосходная шхуна – даже ребенок может с нею управиться в море. Она носит имя «Эспаньола», а ее водоизмещение – двести тонн. Я раздобыл ее лишь благодаря помощи моего старинного приятеля Блендли, который оказался на удивление ловким дельцом. Ради меня он трудился, как каторжник. Впрочем, помогали мне и другие бристольтцы, узнав о том, что мы отправляемся за сокровищами...»

– Редрут, – сказал я, прервав чтение. – Боюсь, доктору Ливси это сильно не понравится. Сквайр, оказывается, все разболтал.

– Ну так что же? – проворчал егерь. – Значит, он счел необходимым так поступить, вот и все!

Я не стал с ним спорить и продолжил читать дальше:

«...Блендли нашел для нас “Эспаньолу” и приобрел ее, благодаря своей ловкости, чуть ли не даром. В Бристолле очень многие его недолюбливают и болтают, что Блендли на все готов ради денег, а “Эспаньола”, дескать, прежде принадлежала ему самому, и он продал мне ее за баснословную цену. Гнусная клевета! Впрочем, никто из болтунов не отрицает достоинств шхуны. Таким образом, судно у нас есть. Но больше всего хлопот доставил мне подбор экипажа. Я решил, что нам нужны не менее двадцати человек – на случай нападения туземцев, пиратов или французов. С невероятным трудом мне удалось набрать с полдюжины людей, пока по счастливой случайности я не наткнулся как раз на такого человека, который все устроил.

Я без всякой особой цели заговорил с ним на набережной. Оказалось, что он старый мореплаватель, владелец таверны. Он хорошо знает всех моряков в Бристолле, но скверно переносит жизнь на суше и теперь хочет наняться хотя бы

поваром на какое-нибудь судно. На набережную он вышел, по его словам, только затем, чтобы подышать морским воздухом.

Я был растроган такой любовью к морю и из чистого сострадания предложил ему место повара на нашем судне. Зовут его Долговязый Джон Сильвер, у него нет одной ноги, но я считаю это лучшей рекомендацией, так как ноги он лишился, сражаясь за родину под командованием бессмертного Хоука[11 - Эдвард Хоук – английский адмирал, живший в середине XVIII столетия.]. Вообразите, он не получает даже скромной пенсии. Что за несправедливость, что за ужасные времена!

Но вместе с поваром я получил в придачу целую команду! С помощью Сильвера я в несколько дней сколотил экипаж из настоящих морских волков, не слишком привлекательных с виду, но, судя по их лицам, отчаянных храбрецов. С такой командой мы сможем взять на абордаж даже тридцатипушечный фрегат!

Сильвер посоветовал мне также рассчитать двоих нанятых раньше матросов, доказав, что они годятся только драить палубу и станут помехой в нашем опасном плавании.

Я чувствую себя и телесно, и духовно превосходно, ем, как волк, сплю, как бревно. Жду не дождусь того момента, когда наконец мои морячки кое-что подлатают и заштопают на судне. Море, только оно манит меня! К дьяволу сокровища! Не они, а дальние странствия кружат мне голову! Одним словом, Ливси, приезжайте скорее, не трата ни минуты лишней, если вы меня уважаете.

Пусть Хокинс в сопровождении Редрута немедленно отправляется проститься со своей матерью, а затем пусть оба немедленно выезжают в Бристоль.

Джон Трелони.

P. S. Я забыл сообщить вам, что Блэндли, который, кстати сказать, обещал отправить нам на помощь другое судно, если мы не вернемся в конце августа, подыскал нам отличного капитана. Это человек чертовски упрямый, но превосходный во всех остальных отношениях. Долговязый Джон Сильвер нашел отменного штурмана по имени Эрроу. А у меня уже есть на примете боцман, который умеет играть на боцманской дудке. Словом, у нас на “Эспаньоле” все

будет, как на заправском военном корабле.

Я забыл также упомянуть, что Джон Сильвер – вполне состоятельный человек. У него, по моим сведениям, текущий счет в банке, и немалый. Хозяинничать в таверне он оставляет жену. Она не принадлежит к белой расе, и я как старый холостяк подозреваю, что именно она, а не пошатнувшееся здоровье, гонит его в открытое море.

Д. Т.

P. P. S. Хокинс может провести один вечер вместе со своей матерью.

Д. Т.»

Вы и представить не можете, как взбудоражило меня это письмо. Я был вне себя от восторга и всей душой презирал старого Тома Редрута, который только и знал, что ворчать да жаловаться. Любой из его подручных согласился бы отправиться вместо него, но таково было повеление самого сквайра, и никто не решился его нарушить.

На следующее утро мы оба пешком отправились в таверну «Адмирал Бенбоу», и я наконец-то увиделся с матушкой. Она была здорова и весела, так как с кончиной капитана завершились и наши неприятности. Сквайр велел отремонтировать за свой счет нашу таверну и даже прибавил кое-что из мебели. Теперь за стойкой стояло удобное кресло, в котором посиживала моя матушка. В подмогу ей он нанял мальчишку, который должен был исполнять те же обязанности по хозяйству, которые прежде исполнял я.

Только увидев этого паренька, я окончательно осознал, что надолго расстанусь с родным домом. До этой минуты я помышлял только о предстоящих приключениях и совсем забыл о доме. При виде неуклюжего подростка, занявшего мое место, я даже прослезился.

На следующий день после обеда мы с Редрутом пустились в обратный путь. Я простился с матерью и с заливом, даже с добрым старым «Адмиралом Бенбоу», который после ремонта казался мне слегка чужим. Невольно вспомнил я и о

капитане, бродившем по берегу в своей потертой треуголке, с медной подзорной трубой под мышкой. Но вскоре мы перевалили через холм, и наш дом исчез из виду.

Уже смеркалось, когда мы с Редрутом сели в почтовый дилижанс, который останавливался у «Таверны короля Георга». Меня втиснули между егерем и каким-то пожилым толстяком. Несмотря на тряску и холодную ночь, вскоре я заснул как убитый, проспав все остановки. Когда я наконец очнулся от толчка в бок и открыл глаза, карета стояла перед большим зданием на городской улице. Уже давно рассвело.

– Где мы? – спросил я.

– В Бристоле, – отвечал Том. – Пора выходить.

Мистер Трелони поселился в таверне неподалеку от доков, чтобы следить за ходом работ на шхуне. Нам пришлось довольно долго идти пешком по причалам мимо кораблей самых различных видов, оснастки и национальности. На одном судне матросы слаженно распевали за работой, на другом висели в снастях, как пауки в паутине. И хоть я всю жизнь прожил на берегу, море в порту показалось мне таинственным и удивительным, словно я увидел его впервые. Воздух был словно пропитан дегтем и солью. Я видел резные форштевни кораблей, побывавших за океаном, старых морских волков с походкой вразвалку, серьгами в ушах, рыжими бакенбардами и косичками. Я впадал в восторг от одной мысли, что и сам скоро выйду в море, услышу свист боцманской дудки и голоса матросов и устремлюсь к таинственному острову в поисках невиданных сокровищ.

Погрузившись в эти мечты, я и не заметил, как мы добрались до большой таверны и предстали перед сквайром Трелони. На нем был синий суконный мундир, какие обычно носят морские офицеры, вдобавок он вышел нам навстречу, довольно ловко подражая качающейся походке моряков.

– А, вот и вы! – воскликнул он. – Доктор накануне уже прибыл из Лондона. Отлично! Теперь вся команда в сборе!

– О сэр, – вскричал я, – когда же мы отчаливаем?

– Как когда? – отвечал он. – Разумеется, завтра!

Глава 8

Под вывеской с подозрной трубой

После того как мы позавтракали, сквайр дал мне записку, чтобы я отнес ее Джону Сильверу в таверну «Подзорная Труба». Он сказал, что я легко найду ее, если буду идти прямо по набережной, пока не увижу большую медную подозрную трубу на вывеске. Я отправился в путь, радуясь возможности снова поглазеть на корабли и моряков. С трудом пробираясь между людьми, толпившимися между повозок и тюков с товарами, я наконец разыскал таверну. Это было довольно чистое и уютное заведение с новенькой вывеской, красными занавесками на окнах и полом, посыпанным песком. Таверна располагалась на углу и выходила на две улицы. Обе ее двери были распахнуты настежь, и в просторной столовой с низким потолком было довольно светло, несмотря на клубы табачного дыма.

Таверна была полна моряков. Сидя за столиками, они так громко беседовали, что я остановился на пороге, не решаясь войти.

Из боковой комнаты вышел человек, и я сразу понял, что это и есть Долговязый Джон Сильвер. Его левая нога отсутствовала по самое бедро. Он опирался на костыль, с которым управлялся с невероятной ловкостью, подпрыгивая на ходу, словно птица. Он был высок и широкоплеч, с широким и плоским, как окорок, бледным, но умным и оживленным лицом. Настроение у него, по-видимому, было отменное. Насвистывая, он разгуливал между столиками, шутил и дружески хлопал по плечам завсегдатаев.

Правду говоря, когда сквайр упомянул в своем письме одноногого моряка, я с ужасом подумал, уж не тот ли это одноногий, которого я так долго караулил в нашей таверне по просьбе покойного капитана. Но при первом же взгляде на Сильвера мои подозрения рассеялись. Я видел капитана, Черного Пса и слепца Пью, и этого мне хватило, чтобы составить представление о том, как должен выглядеть морской разбойник. Ничего похожего не было в этом веселом и приветливом трактирщике.

Набравшись духу, я переступил, наконец, порог и направился прямо к Сильверу, который, опираясь на костыль, беседовал с каким-то посетителем.

– Это вы мистер Сильвер? – спросил я, протягивая записку.

– Именно, мой мальчик! – ответил он. – Конечно, это я. Но ты-то кто такой?

Но при виде записки сквайра он необыкновенно оживился.

– О! – воскликнул он, протягивая мне руку. – Понимаю... Значит, ты наш новый юнга? Рад познакомиться!

И он крепко пожал мне руку своей огромной лапицей.

В это время один из посетителей, сидевший в дальнем углу, вдруг вскочил и поспешно выбежал на улицу. Его торопливость привлекла мое внимание, и я успел узнать его. Это был тот самый трехпалый человек с одутловатым лицом, который приходил к капитану в таверну «Адмирал Бенбоу».

– Эй! – закричал я. – Держите его! Это же Черный Пес!

– Мне наплевать, как его зовут! – взревел Сильвер. – Но он удрал, не заплатив за выпивку. Гарри, догони его!

Один из сидевших у двери тотчас вскочил и бросился вдогонку за Черным Псом.

– Если бы даже он был сам адмирал Хоук, и то я заставил бы его заплатить, – продолжал Сильвер. – Как его зовут? Ты назвал его Черный... как там дальше?

– Черный Пес, сэр! – ответил я. – Разве мистер Трелони не рассказывал вам о пиратах? Это один из них.

– В самом деле? – встревожился Сильвер. – И это в моей таверне! Бен, беги и помоги Гарри изловить его. Значит, это один из тех негодяев? Морган, ты сидел рядом с ним за одним столом. Поди-ка сюда!

Посетитель, которого назвали Морганом, – старый седой моряк с обветренным лицом, опасливо приблизился, жуя табачную жвачку.

– Скажи-ка, Морган, – сурово спросил его Долговязый Джон. – Ты никогда прежде не встречался с этим... как его... Черным Псом?

– Нет, сэр! – с поклоном ответил Морган.

– И ты даже не знал, как его зовут?

– Нет, сэр!

– Ну, твое счастье, Морган! – воскликнул Сильвер. – Если б ты водил дружбу с подобными людьми, ноги б твоей здесь не было! О чем он говорил?

– Уж и не помню, сэр! – отвечал моряк.

– Что у тебя на плечах: голова или пивной котел? – снова вскричал Сильвер. – А ну-ка, постарайся припомнить, о чем он болтал – о плаваньях, о капитанах, о судах? Живо выкладывай!

– Мы толковали о том, как преступников под килем протаскивают...[12 - Протаскивание под килем – одно из самых жестоких наказаний в английском флоте XVIII в. Нередко заканчивалось смертью преступника.]

– Под килем? Ох и разговорчики у вас! Ну, вали на место, Морган!

Когда моряк удалился, Сильвер шепнул мне:

– Честнейший малый этот Том Морган, но глуповат. А теперь, – прибавил он уже громко, – давай-ка припомню и я. Черный Пес? Нет, не знаю такого имени. Но все же я где-то видел этого негодяя. Он, кажется, не раз заглядывал сюда вместе со старым слепым нищим.

– Точно, – вскричал я, – это был Слепой Пью!

– Вот-вот! – снова заволновался Сильвер. – Пью! Так его и звали! Он выглядел отъявленным негодяем! Эх, если бы нам изловить этого Черного Пса, капитан Трелони был бы доволен! Бен – превосходный бегун, никто из моряков с ним не сравнится. Кого хочешь изловит! Значит, Черный Пес болтал тут о том, как моряков под килем протягивают? Мы покажем-таки ему киль!

Сильвер прыгал на костыле по таверне, громыхал кулаком по столам и так искренне возмущался, что даже лондонский полицейский поверил бы в его полнейшую непричастность к делу.

Однако встреча с Черным Псом в таверне «Подзорная Труба» пробудила мои прежние опасения, и я стал пристально наблюдать за Сильвером, хотя и не заметил ничего особенно подозрительного. Вскоре вернулись запыхавшиеся Гарри и Бен и объявили, что Черному Псу удалось затеряться в толпе. Сильвер обрушился на них с таким негодованием, что я сам был готов за них заступиться.

– Знаешь, Хокинс, – наконец проговорил он, – для меня эта история может иметь очень неприятные последствия. Что подумает обо мне капитан Трелони? Этот негодяй преспокойно пил ром у меня в таверне! А потом приходишь ты и сообщаем, кто он такой. И все-таки этому проклятому псу удастся ускользнуть! Ты, Хокинс, должен поддержать меня перед капитаном. Ты еще молод, но я чувствую, что сообразителен не по летам. Я сразу это заметил, едва ты вошел. Но что мог поделаться старый калека на деревяшке? Будь я о двух ногах, как прежде, пират не отделался бы так легко...

Он вдруг остановился и разинул рот, словно что-то вспомнив.

– А деньги-то! – вскричал он. – За три кружки рому! Дьявол меня раздери, о них-то я даже не вспомнил!

И, повалившись на скамью, он принялся так неудержимо хохотать, что из его глаз потекли слезы. Смеялся он так заразительно, что и я не мог удержаться от смеха, глядя на него. Теперь мы оба хохотали на всю таверну.

– Вот какого морского теленка я сваял! – сказал он наконец, вытирая глаза. – Мы, наверно, неплохая пара с тобой, Хокинс! Из меня тоже когда-то вышел бы, клянусь честью, юнга! Однако нам пора, парни! Я только нацеплю свою старую треуголку, и мы вместе с молодым человеком отправимся к капитану Трелони,

чтобы поведать о случившемся. Дело-то серьезное, Хокинс, и, надо признаться, не делает чести ни мне, ни тебе. Мы оба угодили впросак – верно? Черт побери, ловко же он меня надул с этими тремя кружками рому!

И он снова захохотал так открыто, что я опять присоединился к нему, хоть и не понимал, что, собственно, тут смешного.

Мы зашагали по набережной. Сильвер оказался отменным собеседником. О каждом корабле, мимо которых мы проходили, он сообщал кучу подробностей: какой они грузоподъемности, что у них за такелаж, под флагом какой страны они плавают. Он объяснял, что происходит в порту, какие суда стоят на разгрузке, какие грузы принимают на борт, как готовятся к отплытию. Речь свою он пересыпал морскими байками и словечками, которые я иной раз просил повторить, чтобы запомнить. В конце концов я пришел к выводу, что лучшего спутника в дальнем плавании, чем Сильвер, пожалуй, не найти.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Сквайр – титул помещика, принадлежащего к джентри – нетитулованному английскому дворянству. Сквайры играли видную роль в жизни провинции, часто занимали различные административные или судебные должности.

2

Адмирал Бенбоу (1653–1702) – английский адмирал, который благодаря своей отчаянной отваге стал героем матросских песен.

3

Вымбовка – рычаг, служащий на парусных судах для подъема якоря вручную.

4

Ганшпуг – рычаг для подъема и перемещения тяжестей на судах.

5

Фагот – деревянный духовой музыкальный инструмент.

6

Кортик – холодное колющее оружие с прямым тонким обоюдоострым клинком. В XVI–XVIII вв. применялся как оружие abordного боя.

7

Гиней – английская золотая монета. В гинее, в отличие от фунта стерлингов, не 20, а 21 шиллинг.

8

Квадрант – мореходный инструмент для измерения высоты небесных светил над горизонтом и угловых расстояний между ними. Используется для определения положения судна в море.

9

Палм-Ки – островок у берегов полуострова Флорида.

10

Егерь – профессиональный охотник, надзирающий за охотничьими угодьями в поместье.

11

Эдвард Хоук – английский адмирал, живший в середине XVIII столетия.

12

Протаскивание под килем – одно из самых жестоких наказаний в английском флоте XVIII в. Нередко заканчивалось смертью преступника.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/robert-stivenson/29343-ostrov-sokrovishch>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)